

было специальных статей о христианстве, его мысли об этом приходится собирать, вычитывать из отдельных высказываний, порой противоречащих друг другу.

Религиозные чувства зародились в душе Достоевского уже в раннем детстве. Родители его были людьми верующими, о чём и свидетельствуют детские воспоминания. Брат писателя Андрей Достоевский вспоминал: “Первою книгою для чтения была у всех нас одна. Это Священная история Ветхого и Нового завета на русском языке <...> Она называлась собственно «Сто четыре священных истории Ветхого и Нового завета» <...> Помню, как в недавнее уже время я, разговаривая с братом <...> упомянул об этой книге; и с каким он восторгом объявил мне, что ему удалось разыскать этот же самый экземпляр книги (то есть наш — детский) и что он бережёт его как святыню”. Среди первых домашних учителей писателя был дьякон, преподававший Закон Божий. А.М. Достоевский пишет, что не припомнит, чтобы встречал в дальнейшем столь хорошего учителя по этому предмету.

При этом нельзя сказать, чтобы воспитание было сугубо религиозным. По воспоминаниям, в доме Достоевских проходили так называемые семейные чтения. Однако здесь называются книги светские: это «История» Карамзина, стихотворения Державина, Жуковского. Вряд ли Библия представляла для молодого Достоевского какой-то особый род чтения.

Детские впечатления и переживания религиозного характера отложились в памяти Достоевского. По свидетельству жены, он помнил, как мать его причащала в церкви, когда ему было два года, и он помнил, как “голубок пролетел из одного окна в другое”. Также он сохранил едва ли не самое раннее детское воспоминание, как “однажды няня привела его, лет около трёх, при гостях в гостиную, заставила стать на колени перед образами и, как это всегда бывало на сон грядущий, прочесть молитву”. Не будем придираться к слову “заставила”, тем более что тогда оно звучало несколько по-иному. В воспоминаниях нигде не зафиксировано, чтобы юный Достоевский когда-нибудь почувствовал неприязнь к православию или церковным обрядам, однако как художнику это чувство, многократно описанное в мировой литературе, было ему хорошо понятно и знакомо. Обратим внимание, что в набросках к ненаписанному роману «Житие великого грешника» есть запись: “Первая исповедь. Гадливость: есть ли Бог. Библия и чтение”.

Существуют воспоминания, что религиозность Достоевского была настолько заметна, что товарищи по училищу даже посмеивались над ним. Однако, вероятно, проявлялась она в общем потоке

романтических настроений будущего писателя. Чего стоит, например, такое высказывание из письма к брату: “Поэт в порыве вдохновения разгадывает Бога, следовательно, исполняет назначение философии”.

Достоевский с молодых лет пристрастился к литературе, и самые разные книги всегда сильно действовали на его впечатлительную натуру. Любопытно, что уже в зрелые годы он записывает о Библии: “Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества”. То есть он не выделяет Библию: ведь то же самое можно сказать о любой другой великой книге; и Шекспир, и Гомер тоже принадлежат всему человечеству, и атеистам и верующим. Так и пишет молодой Достоевский — о Гомере и о Христе, располагая их рядом, как явления одного ряда: “Ведь в «Илиаде» Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной, и земной жизни совершенно в такой же силе, как Христос новому”. Что же это? Легендарный Гомер поднят до уровня божественного Христа или Христос низводится до гениального, но всё-таки человека? Ответить трудно, но подобные сближения были характерны для религиозного мировосприятия Достоевского и позже.

И в дальнейшем религия и искусство воспринимались Достоевским во многом сходно. Известно, какое сильнейшее впечатление производила на него религиозная живопись — картины Ганса Гольбейна, Тициана, Рафаэля (неизвестно, чтобы на него так же сильно воздействовала, например, икона).

С 1837 по 1848 год Достоевский живёт в Петербурге. Сперва он учится, а по окончании училища в 1844 году, подобно библейскому блудному сыну отказавшись от опекуна богатого родственника и получив свою долю небольшого наследства, становится профессиональным писателем. Он сближается с людьми, проникнутыми в большей или меньшей степени атеистическими и революционными настроениями. Это писатели, объединившиеся вокруг Белинского и — позже — Некрасова. Затем — это кружок Петрашевского, в котором Достоевский примыкает к наиболее радикальной части, где шли разговоры о подготовке крестьянского восстания и организации тайной типографии для ведения революционной пропаганды. Отношения со всеми этими людьми протекали у писателя неровно, позже он вспоминал о своих юношеских увлечениях очень по-разному. О Белинском он писал впоследствии: “Он, конечно, имел самолюбие, но саморисования в нём не было”. О нём же говорил и так: “Он не мог заметить того, сколько в нём <...> мелкого самолюбия, злобы, нетерпения, раздражительности, подлости, а главное — самолюбия”, называл его и “смрадной букашкой”, “тупым и позорным явле-